

зии, авторы которых плохо обосновывали свои выводы и недостаточно вникли в его труды.³⁶

Общественное музыкальное сознание в XVIII—XIX вв. усматривало в звуковысотных связях преимущественно их ладовую сторону, почти полностью игнорируя важнейший красочный аспект гармонии, которому уже в XX в. было присвоено наименование фонического. Поэтому по прошествии двух с лишним столетий можно понять неизбежность многих отрицательных оценок современников, которые в пылу полемики нередко упустили из поля зрения даже ценные стороны эйлеровской теории, не вступавшие в противоречие со взглядами критиков. Намного труднее оправдать тот факт, что в течение двух веков, которые прошли после смерти Эйлера, негативное отношение к его трудам сохранилось у большинства музыковедов. Находясь в плену традиции, сложившейся в прижизненной критике Эйлера, они повторяют давно изжившие себя аргументы и не пытаются заново соотнести их с содержанием эйлеровских трудов.

Тем не менее в процессе развития теории музыки многие идеи, впервые намеченные в исследованиях Эйлера, были развиты или заново «открыты». Нередко авторы позднейших работ даже не догадывались, кому принадлежит приоритет в данном вопросе, или ссылались только на своих непосредственных предшественников, не указывая, что для тех исходным пунктом послужили работы Эйлера.

Эволюционировал язык музыкального искусства, совершенствовалась экспериментальная база науки. Параллельно и в тесной связи с этими процессами развивалась и теоретическая мысль. Пришло время, когда на повестку дня теории музыки стали те проблемы, которые остались непонятыми в трудах Эйлера. Это было велением времени, и полузабытые исследования петербургского академика неизбежно должны были привлечь внимание специалистов. Решающую роль сыграло то обстоятельство, что традиционная теория музыки, мощным импульсом для которой на протяжении полутора столетий были работы Рамо, оказывалась все чаще неспособной объяснять новые явления музыкального искусства.

Первым авторитетным подтверждением научных заслуг Эйлера в области теории музыки стала книга Г. Гельмгольца.³⁷ Достаточно показательно, что этот шаг сделал ученый — представитель естественных наук. Внимание Гельмгольца привлекли именно те положения эйлеровской музыкально-теоретической концепции, которые были полностью проигнорированы при жизни автора.

³⁶ См.: Leonhard Euler und Christian Goldbach: Briefwechsel 1729—1764. Herausgegeben und eingeleitet von A. P. Juškevič und E. Winter. Berlin, 1965. S. 273.

³⁷ См.: *Helmholtz H. von. Die Lehre von der Tonempfindungen als physiologische Grundlage für die Theorie der Musik.* Braunschweig, 1863. Русский перевод: *Гельмгольц Г. Учение о слуховых ощущениях как физиологическая основа для теории музыки:* Пер. с нем. М. Петухова. СПб., 1875.